

Тадеуш Т. Кручковский

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Историческая полонистика В. О. Ключевского в оценке польской историографии

Zarys treści: W artykule omówione zostały zasadnicze problemy ujęcia dziejów Polski i stosunków polsko-rosyjskich w historiozoficznych koncepcjach Wasyla O. Kluczewskiego, jednego z głównych rosyjskich historyków nurtu liberalnego z przełomu XIX i XX w., a także recepcja i oceny tego aspektu twórczości rosyjskiego uczonego we współczesnej polskiej nauce historycznej (przede wszystkim w pracach Mariana Henryka Serejskiego i Katarzyny Błachowskiej).

The content outline: This article discusses the key elements of Vasily Klyuchevsky's interpretation of Polish history as well as the reception of it in Polish historiography, mainly in works by Marian Henryk Serejski and Katarzyna Błachowska. Vasily Klyuchevsky was one of the leading representatives of the Russian liberal historiography at the turn of the nineteenth and twentieth centuries.

Słowa kluczowe: Wasyl O. Kluczewski, historiografia rosyjska, dzieje Polski, wpływ i recepcja, historiografia polska, Marian Serejski, Katarzyna Błachowska

Keywords: Vasily Klyuchevsky, Russian historiography, Polish history, influence and reception, Polish historiography, Marian Serejski, Katarzyna Błachowska

Ключевые слова: В. О. Ключевский, русская историческая полонистика, русская либеральная полонистика, русская историческая полонистика и польская историография, М. Серейский, К. Блаховская

В. О. Ключевский признается в русской историографии одним из ведущих русских либеральных историков конца XIX – начала XX веков. Творчество Ключевского характеризуется значительной широтой и плодovitостью: он является автором работ по методологии, источниковедению, историографии, истории Западной Европы и, прежде всего, «Курса русской истории»¹.

¹ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. М., 1987–1990; Он же. Боярская Дума древней Руси. М., 1909; Он же. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под редакцией Р. А. Киреевой. М., 2012; Он же. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского. М., 1913, и др.*

При жизни имя и творчество В. О. Ключевского было широко известно не только в России, но и в Европе. Значение творческого наследия ученого было признано в современной ему российской науке независимо от ее направлений². Видная роль историка, с различными оговорками о классовом характере его трудов, о недопонимании марксизма, отмечалась и советской историографией³. «Курс русской истории» считался одной из вершин творчества ученого и русской историографии в целом. В современной науке огромное значение исторического наследия ученого, его историософской концепции истории России для развития русской исторической науки признается безапелляционно⁴. Общественно-политические, историософские воззрения В. О. Ключевского, проблематика его творческого наследия являлись уже неоднократно предметом исследования, как его современников, советской исторической традиции, так и в современной историософской и историографической литературе. Утверждается даже, что ученый занимает исключительное место в истории русской науки⁵. В польской историографии (М. Серейский, К. Блаховская) характеристика историософских и общественно-политических взглядов В. О. Ключевского дается с использованием российской научной литературы, как дореволюционного, советского периода, так и современной российской историографии⁶.

Вместе с тем долго оставалась вне заинтересованности исследователей историческая полонистика ученого в его историософии России. В российской исторической науке XIX – начала XX веков тематика исторической полонистики В. О. Ключевского упоминалась мало: упоминались разделы Речи Посполитой, а также оценка российско-польских отношений периода Киевской и Московской Руси, Речи Посполитой⁷. В советской историографической

² Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн., 1997; Милоков П. Н. В. О. Ключевский // В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 110–116; Платонов С. Ф. Памяти В. О. Ключевского // В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания... С. 94–99, и др.

³ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974; Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985; Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, и др.

⁴ Киреева Р. А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России XVIII–XX века. М., 1996. С. 396–445; Она же. История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) // Россия и Европа. 2007. № 4. С. 149–166; Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010, и др.

⁵ Киреева Р. А. За художником скрывается мыслитель... С. 416.

⁶ Serejski M. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. S. 382–383; Blachowska K. Narodziny imperium: rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 243–250.

⁷ Коялович М. О. Указ. соч. С. 607–608.

традиции отсутствовали труды по исторической полонистике В. О. Ключевского. Так, в классическом труде по российской историографии «Очерках истории исторической науки в СССР» вообще нет упоминания о польской тематике творчества ученого⁸. Проблематика исторической полонистики В. О. Ключевского, в отличие от его известных предшественников, только в незначительной степени отмечалась в и современной науке⁹. Следует также отметить определенное внимание автора данной статьи к польской тематике ученого¹⁰. Тем более интересным является показ оценочных позиций польской науки и ее сопоставление с российской в оценке исторической полонистики известного российского либерального историка¹¹.

В польской историографии отдельного комплексного исследования исторической полонистики В. О. Ключевского не проводилось. Вместе с тем высказывался ряд общих оценочных положений в характеристике исторической полонистики ученого. Прежде всего, оценивались некоторые оценочные подходы В. О. Ключевского к ключевым моментам истории Польши – Речи Посполитой. Так, М. Серейский в своем уникальном историографическом труде, посвященном падению Речи Посполитой, значительное место уделит русской исторической полонистике, в том числе, и анализу оценочных подходов наиболее известных русских историков – Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева. Подобным образом

⁸ Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1960. Т. 2. С. 146–170.

⁹ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-ые гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003; Щербань Н. В. В. О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. № 4. С. 95–103; Он же. Цивилизационный подход к истории в трудах В. О. Ключевского // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996.

¹⁰ Кручковский Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. // Славяноведение. М., 1993. № 5. С. 76–85; Он же. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. // Наш радавод. Гродно, 1994. Кн. 6, ч. II. С. 218–417; Он же. Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego // Rosja – Polska – Bałkany XVIII–XX w. Szczecin, 1998. S. 101–115; Он же. Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności. Słomim, 2003; Он же. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII – начала XX в. // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства. 2006. № 3 (39). С. 24–31. Он же. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского // Веснік ГрДУ. 2014. № 3. С. 53–66.

¹¹ Serejski M. Указ. соч.; Blachowska K. Narodziny imperium...; Она же. Wiele historii jednego państwa: obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warszawa, 2009; Walicki A. Aleksander Hercen: kwestia polska i geneza pewnych stereotypów. Warszawa, 1991; Он же. Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu. Warszawa, 1995; Он же. Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002; Он же. Zarys myśli rosyjskiej: od Oświecenia do Renesansu religijno-filozoficznego. Kraków, 2005, и др.

поступила и К. Блаховская, рассматривая проблематику территориального роста Российской империи в оценке российской науки или тематику ВКЛ в интерпретации русской историографии XIX – начала XX веков.

В современной польской науке (М. Серейский, А. Валицкий, К. Блаховская и др.), делается акцент при рассмотрении общей характеристики русской полонистики на слабость в ней либеральной составляющей и преобладание консервативно-националистических тенденций. Вместе с тем М. Серейский и К. Блаховская отмечали принадлежность В. О. Ключевского к либеральной прозападной ориентации части русской историографии. Оформление русской либеральной полонистики большинство историков относят к 80-м годам XIX века. По мнению М. Серейского появление либеральных тенденций в русской полонистике связано с А. Н. Пыпиным, им же назывались и В. А. Бильбасов, Н. И. Кареев и В. О. Ключевский¹². Наиболее последовательная либеральная тенденция в русской полонистике появилась на периферии профессиональной историографии, считал М. Серейский, – это неконформистские подходы А. Л. Погодина¹³. М. Серейский утверждал, что В. О. Ключевский – это наследник С. М. Соловьева и один из наиболее выдающихся русских либеральных историков конца XIX века¹⁴. Это же положение было поддержано К. Блаховской, в том числе и в аспекте общественно-политической деятельности В. О. Ключевского¹⁵. При этом польские историки не рассматривали отдельно историческую полонистику В. О. Ключевского, а давали ее характеристики в рамках своих основных исследовательских задач относительно русской историографии.

В польской историографии неоднократно отмечалась политизация российской исторической полонистики и в результате этого связь ее с польским вопросом в России. Особую роль этот вопрос, по мнению М. Серейского, играл в русской историографии после 1860 года: подчеркивалось мнение об этнографическом единстве населения восточных воеводств Польши с Россией¹⁶. Эти положения Ю. В. Самарина о цивилизационном противостоянии России и Польши М. Серейский предлагал сравнить с мнением Н. И. Кареева¹⁷. Далее, он отмечал, что подобной была оценка подходов русских историков к польско-российскому противостоянию у М. Здзеховского¹⁸ еще в конце XIX века. Этому тезису следовали, убежден М. Серейский,

¹² *Serejski M.* Указ. соч. S. 381, 383 и др.

¹³ Там же. S. 388.

¹⁴ Там же. S. 382.

¹⁵ *Błachowska K.* *Narodziny imperium...* S. 244.

¹⁶ *Serejski M.* Указ. соч. S. 415.

¹⁷ *Кареев Н. И.* «Падения Польши» в исторической литературе. М., 1888. С. 182–186.

¹⁸ *Zdziechowski M.* *Mesjanieci i słowianofile: szkice z psychologii narodów słowiańskich.* Kraków, 1888.

некоторые иностранные либеральные и демократические историки, даже весьма благожелательно настроенные к Польше¹⁹. Положение об отношениях России и Польши в контексте российского восприятия Запада обосновывалось и А. Валицким в его капитальных трудах, внесших существенный вклад в разработку этой масштабной проблемы²⁰.

Более того, по мнению М. Серейского, в европейской историографии второй половины XIX – начала XX века наиболее сильные политические тенденции в отношении исторической полонистики остались только в русской и частично немецкой исторической науках²¹. В отношении истории Польши точка зрения русских политических писателей была обусловлена усилившимся великорусским национализмом, славистскими идеями и недоброжелательным или враждебным отношением к Западу²². Это мнение в настоящее время принято и в современной российской науке. Так, по мнению Л. М. Аржаковой, в России XIX века существовала известная взаимозависимость между состоянием польского вопроса и развитием полонистических исследований²³. Во взаимодействии польского вопроса и полонистики, считает она, решительно преобладали стереотипы в сочетании с эмоциями²⁴. В научной литературе предмета исследования отмечается, что во взаимовосприятии русских и поляков (а это повлияло и на историческую полонистику) политико-идеологическая составляющая играла значительную роль. Достаточно вспомнить определение Н. Н. Страхова польского вопроса как рокового для России²⁵ или, по определению А. Новака, восприятие России поляками как «навязчивую идею»²⁶. В свою очередь, Л. М. Аржакова считает, что подобной «навязчивой идеей» для русского общества XIX века был польский вопрос, что нашло свое отражение в российской исторической полонистике²⁷.

Отдельно в польской историографии эту проблематику разрабатывает Х. Глембоцкий²⁸. Полякам вменялась неблагодарность в отношении

¹⁹ *Serejski M.* Указ. соч. С. 414.

²⁰ *Walicki A.* *Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu...*; *Он же.* *Rosja, katolicyzm i sprawa polska...* и др.

²¹ *Serejski M.* Указ. соч. С. 414.

²² Там же. С. 354.

²³ *Аржакова Л. М.* *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века.* СПб., 2014. С. 10.

²⁴ Там же, С. 463.

²⁵ *Страхов Н. Н.* *Роковой вопрос // Он же.* *Борьба с Западом в нашей литературе.* Киев, 1897. Кн. 2.

²⁶ *Nowak A.* *Od Imperium do Imperium. Spojrzzenia na historię Europy Wschodniej.* Kraków, 2004.

²⁷ *Аржакова Л. М.* Указ. соч. С. 40–41.

²⁸ *Głębocki H.* *Kresy Imperium: szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek).* Kraków, 2006; *Он же.* *Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866).* Kraków, 2000.

«великодушия» России, указывалось на экономическую пользу и политические связи России и Польши, которая была обречена на немецкий напор и была неспособна ему противодействовать собственными силами. В связи с этим, М. Серейский считает, что оценку польского вопроса А. И. Герценом следует интерпретировать как голос, обособленно стоящий от позиции русских либералов²⁹. По мнению же А. Валицкого, позиция А. И. Герцена в польском вопросе может быть определена как широко понимаемое славянское единство под руководством новой России³⁰. Проблематика польского вопроса в интерпретации А. И. Герцена, его влияние на польско-русские отношения, на изучение польского вопроса в России была и остается популярной и в современной России.

Такая политизация исторической полонистики, которая отмечается рядом польских историков (М. Серейский, К. Блаховская), а также зависимость от традиций предыдущей русской науки, в особенности идей его учителя С. М. Соловьева, и определили ряд принципиальных оценок истории Польши В. О. Ключевским. М. Серейский отмечал, что Ключевский утверждал, что польский вопрос для России сохранился и после разделов Речи Посполитой, превратившись из борьбы государств в борьбу родственных славянских народов. Он приводил в качестве доказательства этого обширную цитату русского историка. «Уничтожение польского государства не избавило нас, – писал Ключевский, – от борьбы с польским народом: не прошло 70 лет после третьего раздела Польши, а Россия уже три раза воевала с поляками (1812, 1831 и 1863 гг.). Призрак Речи Посполитой, вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы»³¹.

Польскими историками делается вывод, что основные научные интересы В. О. Ключевского, в отличие от С. М. Соловьева, в области исторической полонистики были представлены на фоне русской истории. Связаны они были, прежде всего, с проблематикой русско-польского противостояния и разделов Речи Посполитой³². Эти же положения в последнее время принимаются и в российской науке. В качестве основных тем исторической полонистики В. О. Ключевского обозначаются: русско-польское противостояние, польское цивилизационное влияние на Русь, разделы Речи Посполитой. Так, Н. М. Филатова делает вывод, что В. О. Ключевский значительно меньше, в сравнении со своими предшественниками, посвятил внимания истории Польши и меньше уделял внимания, в отличие от своего учителя, представлению истории России на общеевропейском фоне. Хотя, согласно Н. М. Филатовой, российскую историю ученый

²⁹ *Serejski M.* Указ. соч. S. 237–238.

³⁰ *Walicki A.* Aleksander Hercen...

³¹ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 56.

³² *Serejski M.* Указ. соч. S. 383–384.

понимал как локальную историю, но рассматривал ее и как «часть общей истории человечества»³³.

М. Серейский исследовал преимущественно взгляды В. О. Ключевского на разделы Речи Посполитой. Однако при этом он приводил также и общую характеристику историка устройства шляхетской республики³⁴. Вместе с тем в польской науке отмечается, что ряд моментов истории Польши, российско-польских отношений рассматривались русским ученым на широком общеевропейском фоне³⁵.

Многие положения М. Серейского, только с опорой на анализируемую проблематику территориальной экспансии России, нашли подтверждение в исследовании К. Блаховской³⁶. К. Блаховская отмечает как общие подходы В. О. Ключевского к территориальной экспансии России, в том числе и в отношении Речи Посполитой, так и отдельно позицию ученого о противоборстве этих двух сторон как о религиозном противостоянии³⁷. В ряде моментов она проводит сравнение взглядов на польскую проблематику В. О. Ключевского и его учителя – С. М. Соловьева³⁸. К. Блаховская отмечает, вслед за российскими учеными³⁹, что отличительной чертой историософской концепции В. О. Ключевского, в том числе и в отношении истории Польши, был проблемный принцип содержания материала⁴⁰. Российский историк, замечает она, – писал о фактах без эмоций, стараясь представить полную объективную картину. Благодаря этому в его изложении отсутствуют инвективы и саркастические замечания, которыми изобиловали другие русские историки, описывая достижения Ягеллонов и польскую политику относительно русского населения. Кроме этого у В. О. Ключевского, продолжает польский историк, – нет простого разделения на «злых» поляков, евреев, иезуитов и «добрый», но угнетаемый поляками русский народ и казачество⁴¹.

В польской науке также акцентируется тезис о том, что В. О. Ключевский сохранил в отношении интерпретации исторической роли Польши ряд славянофильских идей. Это положение получило дальнейшее историографическое обоснование в современной историографии, в том числе и в работах автора данной статьи. М. Серейский, отмечая положение В. О. Ключевского о России

³³ *Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // Polacy i Rosjanie: 100 kluczowych pojęć / pod red. A. Magdziak-Miszewskiej, M. Zuchniak, P. Kowala. Warszawa, 2002. S. 31–32.*

³⁴ *Serejski M.* Указ. соч. S. 383–384.

³⁵ *Błachowska K. Narodziny imperium... S. 258.*

³⁶ Там же. S. 243–278.

³⁷ Там же. S. 259.

³⁸ Там же. S. 248, 252–253.

³⁹ *Александров В. А., Янин В. Л. Предисловие // В. О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. Т. 1. С. 22.*

⁴⁰ *Błachowska K. Narodziny imperium... S. 249.*

⁴¹ Там же. S. 260.

как арьергарде Европы в борьбе с кочевой Азией, а также о роли Польши в сдерживании агрессии Пруссии на славянские земли, утверждает, что это положение было «своеобразной вершиной идеи о славянском масонстве Польши» из русской консервативной традиции⁴².

Подобным образом высказывается и К. Блаховская: В. О. Ключевский так же, как и его учитель, принял положение, что каждый народ имеет свою историческую миссию. Миссия России – уберечь Европу от азиатских кочевников и Россия свою миссию выполнила. К. Блаховская для обоснования этого тезиса приводит обширную цитату из Курса Ключевского. Определяя историческую миссию России, В. О. Ключевский утверждал: «У каждого народа своя судьба и свое назначение. [...] Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, [...] других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество. Между тем Западная Европа, освободившись от магометанского напора, обратилась за океан, в Новый Свет [...]. [...] эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны урало-алтайского востока, ей ничто не угрожает, и плохо замечала, что там идет упорная борьба, что, переменяя две главные боевые квартиры – на Днестре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы и что здесь в XVI веке образовался центр государства, которое, наконец, перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации»⁴³. «Как будто, – добавляет Блаховская, – мы читаем фрагменты «Истории России» Соловьева». Вместе с тем, продолжает далее она, принимая концепцию Соловьева о примерно выполненной исторической миссии Россией, Ключевский не противопоставлял ее «предательскому поведению относительно славянского мира» Польши, как это делал С. М. Соловьев⁴⁴.

К. Блаховская, анализируя представленные Ключевским цели внешней политики Москвы, начиная от Ивана III и Ивана Грозного, отмечает такую же аргументацию их обоснования, как и у С. М. Соловьева⁴⁵. К. Блаховская в качестве доказательства цитирует обширный фрагмент из «Курса русской истории» российского ученого: «Так были поставлены на очередь две задачи внешней политики: завершение политического объединения русской народности и расширение государственной территории до пределов русской равнины»⁴⁶. Польский историк подчеркивает, что Ключевский признавал,

⁴² *Serejski M.* Указ. соч. S. 382.

⁴³ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах. Т. 2. С. 373.

⁴⁴ *Wlachowska K.* *Narodziny imperium...* S. 252.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 86.

что препятствием реализации этих задач Москвы стала Речь Посполитая: «в борьбе с Баторием он даже потерял старинные русские города по Финскому заливу и Ладожскому озеру». К. Блаховская пишет, что вопросу неудачной войны Ивана Грозного, по причине вмешательства польско-литовского государства ученым уделено меньше внимания, чем его предшественниками: только один абзац⁴⁷. Отмечается также К. Блаховской, что Иван Грозный, по мнению российского ученого, продолжал внешнеполитическую линию предшественников⁴⁸. К. Блаховская особо акцентирует мнение российского историка о том, что расширение Москвы не только на земли Руси, но и на мусульманские территории Поволжья не было экспансией, а только оборонительной политикой, так как ее целью было обеспечение государству безопасности и возможности существования⁴⁹.

К. Блаховская обращает внимание, что проблему постоянных войн с польско-литовским государством за обладание западнорусскими землями (современные территории Украины и Беларуси) российский историк интерпретировал значительно глобальнее и драматичнее⁵⁰. Он утверждал: «Московское государство – это вооруженная Великороссия, боровшаяся на два фронта: на западе – за национальное единство, на юго-востоке – за христианскую цивилизацию, там и здесь – за свое существование»⁵¹. «На европейском фронте, – уточнял историк, – шла борьба со Швецией и Ливонией, с Литвой – Польшей за Западную Русь»⁵². При этом К. Блаховская отмечает и отличия в интерпретации данной проблематики В. О. Ключевским от его учителя – С. М. Соловьева. Она пишет, что в отличие от С. М. Соловьева, который рассматривал историю России с точки зрения европейского исторического процесса, В. О. Ключевский сосредоточил свое внимание преимущественно на внутренних процессах развития России⁵³.

К. Блаховская подчеркивает, что, по мнению Ключевского, внешнеполитические обстоятельства привели к созданию особой формы государственного строя⁵⁴. Она приводит в качестве доказательства обширные цитаты из «Курса русской истории». В России, согласно теории Ключевского, внешнеполитические задачи привели к чрезмерному усилению верховной государственной власти и полному подчинению общества и обусловили создание иной формы государства: «тяжелой политической организации».

⁴⁷ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 252.

⁴⁸ Там же. S. 254.

⁴⁹ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 255.

⁵⁰ Там же. S. 254.

⁵¹ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 2. С. 372.*

⁵² Там же. S. 196.

⁵³ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 255.

⁵⁴ Там же.

Этот вывод он подытоживал знаменитым выражением, определяющим соотношение государства и народа в истории России: «Государство пухло, а народ хирел»⁵⁵. В таком состоянии государства, согласно Ключевскому, государь выступал как хозяин московской государственной территории, государство понималось «в смысле вотчины, хозяйства государя известной династии»⁵⁶.

В данном случае, на наш взгляд, было бы весьма полезно привести оценки В. О. Ключевского на качественно иной характер, с точки зрения отношения государства и общества, Речи Посполитой. По мнению В. О. Ключевского, Москва до Смутного времени представлялась в сравнении даже с Польшей государством, напоминающим тип восточной деспотии, хотя она и сохранила христианство, как основу своей духовной культуры. Чрезмерное усиление верховной государственной власти в России, по его мнению, привело к полному подчинению общества, обусловили создание «тяжелой политической организации». Наибольшее влияние польских образцов общественно-государственного строя на государственную мысль и практику Москвы В. О. Ключевский показывал в период Смуты. Он считал, что опыт польского общественно-государственного устройства отразился в новых политических понятиях России: формулируется понятие личностных прав и прав всего московского народа, появилась мысль о свободе вероисповедования и т. д.

К. Блаховская акцентирует внимание, что в интерпретации В. О. Ключевского войны России с соседями становятся с начала XVIII века наступательными, но в отношении Речи Посполитой далее оборонительными⁵⁷. Так отмечается, что русский историк утверждал, что войны России «на Западе были в сущности оборонительные, имели целью возвратить земли, недавно от него отторгнутые или считавшиеся его исконным достоянием. С Полтавы они получают наступательный характер, направляются к укреплению завоеванного Петром преобладания России в Восточной Европе»⁵⁸. Таким образом, замечает К. Блаховская, В. О. Ключевский в духе традиций российской историографии интерпретировал термин «оборонительная политика». Эту мысль русского историка К. Блаховская подтверждает также его утверждением о внешнеполитических задачах Москвы со времени объединения Великороссии⁵⁹. По мнению В. О. Ключевского, Москва Ивана III начинает осознавать идею народного единства Русской земли⁶⁰. В результате этого после политического объединения Великороссии ставятся дальнейшие

⁵⁵ Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 12.

⁵⁶ Там же. С. 63.

⁵⁷ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 256.

⁵⁸ Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 13.

⁵⁹ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 256–257.

⁶⁰ Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 2. С. 108.

задачи внешней политики: «Иван III, подбирая последние самостоятельные русские миры, в то же время заявил в борьбе с Польшей, что объединенная Великороссия не положит оружия, пока не воротит всех остальных частей Русской земли»⁶¹.

Обозначается польским историком и такой интересный феномен интерпретации российским ученым московской внешней политики как «непроизвольное» перерастание войн оборонительных в наступательные⁶². В. О. Ключевский считал, что «напряжение усиливалось еще тем, что эти войны, по происхождению своему оборонительные, сами собою, незаметно, помимо воли московских политиков, превратились в наступательные [...] в борьбу за такие части Русской земли, которыми Московское государство еще не владело дотоле»⁶³.

К. Блаховская отмечает, что рассматривая малорусский вопрос В. О. Ключевский, давал в основном традиционную для русской науки оценку ВКЛ как первоначально русского государства⁶⁴. Российский ученый подчеркивал культурную доминацию Руси: «Русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием уже около ста лет распространялись среди полудикой языческой Литвы», и считал, что Литва должна была слиться с Русью: «Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них русской шло так успешно, что еще два-три поколения, и к началу XVI века можно было ожидать полного слияния Литвы с Западной Русью»⁶⁵.

Вместе с тем следует отметить, что В. О. Ключевский полностью не разделял взгляд консервативной историографии на ВКЛ как на русское государство, особенно до унии с Польшей, и не поддерживал ее положение о значительной обособленности русских земель в составе ВКЛ уже после заключения унии с Польшей. Он был среди тех русских историков (В. А. Мякотин, Н. И. Кареев, М. К. Любавский и др.), которые признавая значительность русского влияния в Литве, считали, что в политическом плане преобладал литовский элемент. С другой стороны, В. О. Ключевский, как и ряд его современников (Н. И. Кареев, В. А. Бильбасов, Ф. М. Уманец и др.), а впоследствии и такие его ученики как М. К. Любавский, П. Н. Милюков, признавал успешность и значительность польского цивилизационного влияния на западнорусские земли. Он отмечал его со времени Кривской унии: «Со времени соединения Литвы с Польшей русское влияние в Литовском

⁶¹ Там же. Т. 3. С. 85.

⁶² *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 257.

⁶³ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах.* Т. 3. С. 6.

⁶⁴ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 258.

⁶⁵ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах.* Т. 3. С. 88.

княжестве начало вытесняться польским»⁶⁶. Это влияние, считал историк, шло различными путями. Он указывал на особенности государственного устройства, выразившегося в том, что на сеймах «решались общие дела обоих союзных государств: литовско-русские вельможи, встречаясь здесь с польскими панами, знакомились с их политическими понятиями и с порядками, господствовавшими в Польше». С другой стороны, он писал о польском варианте социально-общественного строя: «польское влияние проводилось в Литву – Русь жалованными грамотами великих князей литовских, которые назывались привилеями и устанавливали в Литве такой же порядок управления, такие же права и отношения сословий, какие господствовали в Польше»⁶⁷. В первой половине XVI века, – считал он, – русская шляхта добилась таких же политических прав, как и польская: «Статут 1566 г. устроил сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польского шляхетского сейма»⁶⁸. В результате ученый делал нетрадиционный для русской науки вывод: «польское влияние глубоко изменило как устройство управления, так и склад общества в русских областях, вошедших в состав Литовского княжества»⁶⁹.

Однако эти выводы российский историк далее не развивал, свидетельством этого являются его оценки последующих польско-литовских уний. Фундаментальное исследование, посвященное процессу общественно-политической интеграции Литвы – Руси (ВКЛ) с Польшей, развитию внутренних предпосылок этого сложного и уникального для тогдашней Европы процесса объединения столь различных государств, принадлежит уже его ученику – М. К. Любавскому⁷⁰.

Вместе с тем К. Блаховская совершенно правильно отмечает ряд негативных оценок В. О. Ключевского о результатах польского влияния в Западной Руси совершенно в духе российской консервативно-националистической историографии⁷¹. Согласно мнению В. О. Ключевского, усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов Западной Руси⁷². Историк признавал, что «мещане получали некоторые торговые привилегии и льготы по отправлению казенных повинностей и освобождались от подсудности воеводам»⁷³. Эти права города по магдебургскому устройству он считал меньшими, чем они были в период

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Т. 3. С. 91.

⁶⁹ Там же. Т. 3. С. 88.

⁷⁰ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900.

⁷¹ *Wlachowska K. Narodziny imperium...* S. 259.

⁷² Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 91.

⁷³ Там же. Т. 3. С. 92.

Киевской Руси, причем говоря о таком «ухудшенном» положении города в ВКЛ, историк не сравнивал их с положением в России. Еще негативнее В. О. Ключевский оценивал положение крестьянства в польско-литовском государстве⁷⁴. В этом вопросе он оказался в плену стереотипов российской историографии, заявлявшей о значительно более суровом крепостном праве в Польше и ВКЛ, чем в Москве.

К. Блаховская рассматривает также оценочные подходы В. О. Ключевского к малорусскому вопросу, отмечая их некоторую противоречивость и непоследовательность. Она замечает, что В. О. Ключевский оказался в небольшой группе российских историков, которые связывали перелом в настроениях казачества только с Брестской церковной унией⁷⁵. Отмечается ею также позиция российского ученого о превращении Малороссии в сложную социально-экономическую и религиозно-политическую проблему: «все эти общественные силы [...] переплетаясь, затягивали жизнь Малороссии в такой сложный узел, распутать который не мог ни один государственный ум, ни в Варшаве, ни в Киеве»⁷⁶.

Следует заметить, что В. О. Ключевский, хотя и поддерживал тезис о казачестве как выразителе интересов русского народа (как С. М. Соловьев или М. О. Коялович), но не идеализировал казачество, а считал, что к исполнению этой исторической миссии казачество пришло не сразу (как раньше это представил Ф. М. Уманец)⁷⁷. Нетрадиционной для русской историографии была общая характеристика В. О. Ключевским казачества, особенно его нравственных качеств. Историк давал весьма негативную оценку гражданских и моральных качеств казачества: «В Речи Посполитой едва ли был другой класс, стоявший на более низком уровне нравственного и гражданского развития: разве только высшая иерархия малороссийской церкви перед церковной унией могла потягаться с казачеством в одичании»⁷⁸. Это «сброд», по его утверждению, был объединен в двух интересах, в которых замкнулось все политическое мирозерцание казака: «бить и грабить пана и торговать саблех [...]». Свои боевые услуги казаки предлагали за надлежащее вознаграждение и императору германскому против турок, и своему польскому правительству против Москвы и Крыма, и Москве и Крыму против своего польского правительства». Далее российский ученый давал негативную оценку национально-религиозному самосознанию казачества: «Мысль, что он православный, была для казака смутным воспоминанием детства или отвлеченной идеей [...]. [...] В своей Украине при крайне тугом

⁷⁴ Там же. Т. 3. С. 90.

⁷⁵ *Blachowska K. Narodziny imperium...* S. 259.

⁷⁶ *Ключевский В. О. Сочинения* в 9 томах. Т. 3. С. 109.

⁷⁷ *Уманец Ф. М. Вырождение Польши*. СПб, 1872.

⁷⁸ *Ключевский В. О. Сочинения* в 9 томах. Т. 3. С. 105.

мышлении оно еще не привыкло видеть отечество»⁷⁹. В. О. Ключевский нетрадиционно для русской науки объяснял морально-этические нормы восставших: «Сказать загнанному хлопугу или своевольному казаку, помышлявшим о погроме пана, на земле которого они жили, что они этим погромом поборают по обижаемому русскому богу, значило облегчить и ободрить их совесть, придавленную шевелившимся где-то на дне ее чувством, что как-никак, а погром не есть доброе дело»⁸⁰.

Переломным моментом здесь, отмечает К. Блаховская⁸¹, В. О. Ключевский считал угрозу православию в Малороссии: «Эта неожиданная роль была подготовлена казачеству другой унией, церковной»⁸². В. О. Ключевский считал, что первоначальные противоречия польского правительства и казачества не имели никакого религиозно-национального характера: «Ранние казацкие восстания против Речи Посполитой носили чисто социальный, демократический характер без всякого религиозно-национального оттенка»⁸³. По его мнению, дело было в том, что казацкая верхушка стремилась перенести на себя шляхетские понятия: «целью становилось не очищение Украины от пришлого иноплеменного дворянства, а замещение его своим туземным привилегированным классом; в реестровом казачестве готовилась будущая казацкая шляхта»⁸⁴.

Ф. М. Уманец даже считал, что на разрыв с Польшей и переход на сторону Москвы казачество было вынуждено пойти из-за невозможности сойтись с поляками: «И после войны, – отмечал он, – казацкие партии шли на значительные уступки, чтобы иметь право называть шляхетскую Речь Посполитую своей Отчизной»⁸⁵. Подобное мнение высказывал и В. О. Ключевский о намерениях Б. Хмельницкого: «он вовсе не думал разрывать с Речью Посполитой»⁸⁶. В этих сложных условиях и вспыхнуло казацкое восстание: «Успехи Богдана превзошли его помышления [...]. Он сам признавался, что ему удалось сделать то, о чем он и не помышлял. [...] Ему мерещилось уже Украинское княжество по Вислу с великим князем Богданом во главе; он называл себя «единовладным самодержцем русским», грозил всех ляхов перевернуть вверх ногами, всю шляхту загнать за Вислу и т. д.»⁸⁷.

К. Блаховская обращает также внимание на противоречивые оценки В. О. Ключевского по поводу московской политики относительно восстания Хмельницкого. Она отмечает, что с одной стороны Ключевский, следуя

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Т. 3. С. 107.

⁸¹ *Włachowska K. Narodziny imperium...* S. 259.

⁸² *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах.* Т. 3. С. 106.

⁸³ Там же. Т. 3. С. 105.

⁸⁴ Там же. Т. 3. С. 108.

⁸⁵ *Уманец Ф. М. Указ. соч.* С. 63.

⁸⁶ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах.* Т. 3. С. 109.

⁸⁷ Там же. Т. 3. С. 109-110.

традиции российской историографии, писал о том, что участие Москвы в событиях на Украине было вызвано развитием событий, а с другой – утверждал, что Москва в 1654 году принимая Хмельницкого, не представляла себе всей сложности малорусского вопроса⁸⁸. По мнению российского историка, малороссийский вопрос затруднил внешнюю политику Москвы на несколько десятилетий: «раздробил ее силы в борьбе с Польшей, заставил ее отказаться и от Литвы, и от Белоруссии с Волинью и Подолией и еле-еле дал возможность удержать левобережную Украину с Киевом на той стороне Днепра»⁸⁹. Вывод В. О. Ключевского следующий: «Москва получила по заслугам за свою тонкую и осторожную дипломатию»⁹⁰.

К. Блаховская отметила также различные интересы Москвы и Хмельницкого в интерпретации российского ученого⁹¹. Историк показал различные интересы казацкой стороны и Москвы: «Москва хотела прибрать к рукам Украинское казачество, хотя бы даже без казацкой территории, а если и с Украинскими городами, то непременно под условием, чтобы там сидели московские воеводы с дьяками, а Богдан Хмельницкий рассчитывал стать чем-то вроде герцога Чигиринского». Москва же, считал ученый, рассматривала присоединение Малороссии с традиционно-политической точки зрения: «как продолжение территориального собирания Русской земли, отторжение обширной русской области от враждебной Польши к вотчине московских государей»⁹².

Следует отметить, что В. О. Ключевский подверг резкой критике, в отличие от большинства русских историков, позицию Москвы в условиях казацкого восстания, однако не за цели ее политики, а за способы ее реализации. Он критиковал недальновидность и чрезмерную осторожность: «Трудно сказать, предвидели ли в Москве это восстание и необходимость волей-неволей в него вмешаться. [...] Малороссия лежала еще далеко за горизонтом московской политики, да и память о черкасах Лисовского и Сапеги была еще довольно свежа. [...] В Москве осторожно отвечали, что, когда от поляков утеснение в вере будет, тогда государь и подумает, как бы веру православную от еретиков избавить. [...] не знали, как поступить с мятежным гетманом, принять ли его под свою власть, или только поддерживать из-за угла против поляков»⁹³.

Отмечает К. Блаховская и негативную оценку В. О. Ключевского Андрусовского договора, подчеркивая близость позиций либерального историка

⁸⁸ *Blachowska K. Narodziny imperium... S. 261–262.*

⁸⁹ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 113.*

⁹⁰ Там же. Т. 3. С. 112.

⁹¹ *Blachowska K. Narodziny imperium... S. 262.*

⁹² *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 111–112.*

⁹³ Там же. Т. 3. С. 109–110.

с известным официальным историком России Д. И. Иловайским⁹⁴. Итоги внешней политики Москвы всего XVII века, и в первую очередь на западном направлении, В. О. Ключевский оценивал довольно негативно: «после 21-летней изнурительной борьбы на три фронта и ряда небывалых поражений бросили и Литву, и Белоруссию, и правобережную Украину, удовольствовавшись Смоленской и Северной землей да Малороссией левого берега»⁹⁵. Далее ученый подвел еще один итог усилий Москвы, отметив, что: «с помощью этой подправленной рати и этих заводов после больших хлопот и усилий с трудом вернули две потерянные области: Смоленскую и Северскую, и едва удержали в своих руках половину добровольно отдавшейся им Малороссии. Вот и все существенные плоды их 70-летних жертв и усилий!»⁹⁶.

К. Блаховская обращает внимание на тезис В. О. Ключевского об изменении московской политики после 1667 года относительно Польши, об оставлении на время извечной московской внешнеполитической цели – объединение всех русских земель⁹⁷. Андрусовский договор, по утверждению ученого, произвел крутой перелом во внешней политике Москвы и в отношении традиционного соперника: «Польша перестала казаться опасной. Вековая борьба с ней приостановилась надолго, на целое столетие»⁹⁸. Основными соперниками России объявлялись Швеция и Турция. «Так еще до Петра покинута была на неопределенное время мысль, – утверждал историк, – о национально-политическом объединении русского народа: чтобы поддержать добрые отношения с союзницей и соседкой»⁹⁹.

Таковыми основными оценками истории Польши и польско-российских отношений заканчивает К. Блаховская анализ исторической полонистики В. О. Ключевского в допетровский период истории России. На наш взгляд для усиления показа своеобразия оценочных позиций Ключевского относительно истории Польши, возможно, было представление сравнительных позиций историка относительно общественно-политического устройства Московской России и Речи Посполитой, а также проблемы оценки российским историком польского цивилизационного влияния на Россию. Однако В. О. Ключевский, как вся либеральная историография по причине понимания государственных интересов России только как «великой России» и политизации полонистики, не допускал мысли о возможности сохранения в составе федеративной Речи Посполитой западных земель или их самостоятельного существования. Однако эти

⁹⁴ *Blachowska K. Narodziny imperium... S. 262.*

⁹⁵ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3, С. 115.*

⁹⁶ Там же. Т. 3. С. 336.

⁹⁷ *Blachowska K. Narodziny imperium... S. 265.*

⁹⁸ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 3. С. 115.*

⁹⁹ Там же. Т. 4. С. 47.

задачи не ставились, и они не входили в исследовательскую проблематику К. Блаховской.

Следует заметить, что В. О. Ключевский считал, что когда российское правительство решилось допустить свой вариант западного влияния, то исходя из осторожного и дозированного подхода Москва «не решалась заимствовать западное образование прямо [...], а искала посредников, которые могли бы передать ей это образование в обезвреженной переработке»¹⁰⁰. Ученый отмечал причины, по которым в Москве решили, что таким посредником может стать старый враг: «Между старой Московской Русью и Западной Европой лежала страна славянская, но католическая – Польша. Церковное родство и географическое соседство связали ее с романо-германской Европой, а ранее и несдержанное развитие крепостного права в связи с политической свободой высших классов сделало польское дворянство праздной и восприимчивой почвой для западного образования; но особенности страны и национального характера сообщили своеобразный местный пошиб заимствованной культуры. [...] она воспитывала живое и веселое, но узкое и распущенное мирозерцание»¹⁰¹. Заключение исследователя весьма нетипично для русской науки: «Эта Польша и была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы на Русь: западноевропейская цивилизация в XVII в. приходила в Москву, прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде»¹⁰². Историк писал, что этому влиянию подверглись высшие московские круги, включая царскую семью: «[...] Алексей подавал пример в этом. [...] велел обучать их иноземным языкам латинскому и польскому и для довершения их образования призвал западнорусского ученого монаха Симеона Полоцкого [...], знакомого и с польскими школами. [...] Старшие сыновья царя Алексея [...], обучены были языкам польскому и латинскому. [...] 'царский синклит польского языка не гнушался, но читал книги и истории лядские в сладость'»¹⁰³. «Царь Алексей считался некоторое время кандидатом на польский престол, – продолжал ученый, – и старался устроить придворную жизнь у себя наподобие польского королевского двора». Подробнее об этом автор статьи писал отдельно¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Там же. Т. 3. С. 258.

¹⁰¹ Там же. Т. 3. С. 258–259.

¹⁰² Там же. Т. 3. С. 259.

¹⁰³ Там же. Т. 3. С. 263–264.

¹⁰⁴ Кручковский Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского... С. 53–66; Он же. История России великорусского периода и польско-российские отношения в интерпретации В. О. Ключевского // Веснік БарДУ. Серія історическая наука і археологія. 2014. Вып. 2. С. 32–46; Он же. Цивілізаційне впливання Польщі періоду Речі Посполитої на Росію в інтерпретації В. О. Ключевського // Актуальні проблеми гістаричної науки і адукації. Збірник наукових артыкулаў / Пад рэд С. В. Марозавай. Гродна, 2014. С. 206–210.

Наибольшее внимание в польской историографии при рассмотрении исторической полонистики В. О. Ключевского уделено проблематике польской политики Екатерины II и разделам Речи Посполитой (М. Серейский, К. Блаховская). М. Серейский отмечал, что В. О. Ключевский, наследник С. М. Соловьева и один из наиболее выдающихся русских историков конца XIX века, подверг критике польскую политику Екатерины II и разделы Речи Посполитой¹⁰⁵. К. Блаховская также отмечает критику В. О. Ключевского польской политики Екатерины, приведшей к ненужным для России разделам Речи Посполитой¹⁰⁶. Виновником такого решения польского вопроса В. О. Ключевский считал Екатерину, которая не смогла его понять и «повела народно-психологический вопрос извилистым путем дипломатии»¹⁰⁷. В качестве одного из примеров непонимания Екатериной западнорусского дела историк рассматривал конфессиональный вопрос. Ученый считал, что русское правительство, ставя его посредством получения православными политических прав, не знало реалий. Он писал: «Уравнение их в правах с католиками [...] могло быть политическое и религиозное. Православные ждали [...] уравнения религиозного. [...] Политическое уравнение [...] было для них не столь желательно». Свое мнение он объяснял тем, что в Речи Посполитой только шляхта пользовалась политическими правами: «Верхние слои православного русского дворянства, ополячились и окатоличились; [...] между православными дворянами трудно было отыскать человека, способного быть депутатом на сейме, заседать в Сенате, занимать какую-либо государственную должность»¹⁰⁸. Эта позиция историка значительно отличалась от оценочных подходов российской консервативно-националистической историографии¹⁰⁹.

В польской науке замечается, что В. О. Ключевский традиционно для российской историографии (как Н. Г. Устрялов и С. М. Соловьев) не считал Россию виновницей разделов, а видел виновника в прусском короле¹¹⁰. Российский ученый считал, что Фридрих в дипломатической игре обыграл Екатерину II в польском вопросе, заставив ее считать его общеевропейским, в то время как это была задача объединения русских земель: «он затянул в один узел русско-польское и русско-турецкое дело и оба дела вывел из сферы русской политики, сделав их европейскими вопросами, чем отнял у русской политики средства разрешить их исторически правильно – раздельно и без стороннего участия»¹¹¹. К. Блаховская также отмечает критику российского

¹⁰⁵ *Serejski M.* Указ. соч. S. 382.

¹⁰⁶ *Wlachowska K.* *Narodziny imperium...* S. 269.

¹⁰⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 48.

¹⁰⁸ Там же. Т. 5. С. 49.

¹⁰⁹ *Кручковский Т. Т.* Польская проблематика в русской историографии...

¹¹⁰ *Wlachowska K.* *Narodziny imperium...* S. 269.

¹¹¹ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 41.

историка таких мероприятий Екатерины как ее союз с Пруссией и диссидентский вопрос¹¹². Так В. О. Ключевский полагал, что Фридрих «заставил Екатерину оттолкнуть от себя преобразовательную партию Чарторыйских, важную опору русской политики в Польше»¹¹³.

Как замечал М. Серейский¹¹⁴, критика В. О. Ключевского польской политики Екатерины была основана на разделе славянского государства и ненужного укрепления немецкого: следовало занять западную Русь, вместо этого разделили Польшу «первое требовали жизненные интересы русского народа, второе – результатом международного насилия»¹¹⁵. Подобные оценки позиции В. О. Ключевского высказывала и К. Блаховская, отмечая, что российский историк считал эти действия России губительными для самой России и не соответствующими ее государственным интересам¹¹⁶. Она отмечает тезис Ключевского по решению польского вопроса: «Предстояло ввести Польшу в ее этнографические границы, сделать ее настоящей польской Польшей, не делая ее Польшей немецкой»¹¹⁷. Приводились российским ученым и аргументы, основанные на славянофильских идеалах: «редким фактом в европейской истории останется тот случай, когда славяно-русское государство [...] помогло немецкому курфюршеству превратиться в великую державу, сплошной широкой полосой раскинувшуюся по развалинам славянского же государства от Эльбы до Немана». Историк еще раз вспомнил о славянском происхождении поляков: «Притом 'нашего полку убыло' – одним славянским государством стало меньше; оно вошло в состав двух немецких государств; это крупная потеря для славянства. [...] с русским участием раздвинулось новой обширной могилой славянское кладбище, на котором и без того похоронено было столько наших соплеменников, западных славян. История указывала [Екатерине] возвратить от Польши то, что было за ней русского, но не внушала ей делиться Польшей с немцами»¹¹⁸.

Польские историки отмечали также и рассмотрение В. О. Ключевским политико-геостратегического фактора как аргумента против раздела Речи Посполитой, что в его времена было обусловлено усиливающейся для России германской угрозой¹¹⁹. Отмечался следующий тезис российского историка: «Освобожденная от ослаблявшей ее Западной Руси и преобразовав свой государственный строй, как силились сделать это ее лучшие люди

¹¹² *Blachowska K. Narodziny imperium... S. 269.*

¹¹³ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 41.*

¹¹⁴ *Serejski M. Указ. соч. S. 382.*

¹¹⁵ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 34.*

¹¹⁶ *Blachowska K. Narodziny imperium... S. 272.*

¹¹⁷ *Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 56.*

¹¹⁸ Там же. Т. 5. С. 55-56.

¹¹⁹ *Serejski M. Указ. соч. S. 382; Blachowska K. Narodziny imperium... S. 271.*

эпохи разделов, – считал он, – она могла бы сослужить добрую службу славянству и международному равновесию, стоя крепким оплотом против пробивавшейся изо всех сил на восток Пруссии»¹²⁰. М. Серейский¹²¹ отмечал также в критике В. О. Ключевским разделов Речи Посполитой сохранение для России, несмотря на разделы Польши, столь острого на протяжении всего XIX века польского вопроса: «Может быть, чтобы избежать вражды с народом, следовало сохранить его государство»¹²².

Таким образом, можно отметить, что в историографическом изучении исторической полонистики В. О. Ключевского в польской науке основное внимание уделялось следующей проблематике: российско-польским отношениям, как постоянному противоборству; польскому цивилизационному влиянию на западнорусские земли, а также разделам Речи Посполитой. Историческая полонистика В. О. Ключевского, одного из наиболее видных русских либеральных историков конца XIX – начала XX веков, получила в польской науке только некоторое освящение. Это, на наш взгляд объясняется тем обстоятельством, что проблематика истории Польши и польско-российских отношений в творческом наследии В. О. Ключевского занимала значительно меньше места, чем у его учителя С. М. Соловьева или Н. И. Кареева. Внимание исследователей русской исторической полонистики привлекало, прежде всего, в том числе и польских, значительно более богатая и обширная либеральная полонистика Н. И. Кареева. Последний был одним из основателей русской либеральной исторической полонистики и известным полонофилом. Историческая полонистика В. О. Ключевского, таким образом, оказалась в тени творчества Н. И. Кареева. Эти либеральные историки, показывая приводимым фактическим материалом превосходство общественно-политического устройства Речи Посполитой в период расцвета шляхетской демократии, делать такой вывод не стали. Историографический анализ творчества В. О. Ключевского и Н. И. Кареева подтверждает мнение, что они, сознательно отказывались от возможности отдельного исследования и оценок наиболее политизированных проблем истории Польши, прежде всего истории русско-польского противостояния.

Сложность исследования истории Польши в русской исторической полонистике была обусловлена, в том числе и проблемой взаимовосприятия русских и поляков, а также существенной разницей польских и русских общественно-политических и культурно-ментальных традиций. Это хорошо прослеживается в разнородных трудах полонистического содержания (Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, П. Я. Чаадаев, С. М. Соловьев, Н. К. Страхов,

¹²⁰ Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 55.

¹²¹ Serejski M. Указ. соч. S. 382.

¹²² Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 5. С. 56.

Н. Я. Данилевский, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, А. Л. Погодин и др.). Патриотизм, понимаемый как имперское сознание, как показывает историографическая практика российской исторической полонистики, оказался живуч в среде либерально настроенных деятелей общественной жизни и науки. В результате история Польши была сложной проблематикой, обусловленной не только общественно-политическими, идеологическими, конфессиональными факторами, но и историософскими положениями, а также предшествующей русской историографией, а иногда (как это было в отношении либеральной историографии) и западной наукой.

Русская историческая полонистика в целом зависела от консервативных и славянофильских идей антизападного толка. Либеральная полонистика в основных оценочных позициях рассматривала ключевые моменты истории Польши, следуя традициям консервативно-славянофильского направления. Положение об отказе либеральной историографии с 80-х годов XIX века от этих фундаментальных основ не подтверждается историографическим материалом. Она сохранила ряд славянофильских тезисов: об отдельной исторической миссии России и Польши, о неизбежности гибели Польши в противостоянии с Россией, о западнорусских землях как исключительно части единой православной России, об ущербности шляхетского общественного устройства и т. д. В вопросе о западнорусских землях русская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой, или их самостоятельного развития отвергалась (за исключением Ф. М. Уманца)¹²³. Складывавшиеся оценочные подходы в освещении ключевых моментов истории Польши (общественно-государственное устройство; оценка характера польско-русского противостояния; причины разделов Речи Посполитой и т. д.) до сих пор влияют на развитие исторической полонистики в России и Беларуси.

Вместе с тем, оценки польских историков исторической полонистики В. О. Ключевского дают возможность качественно иного взгляда на интерпретацию истории Польши и польско-российских отношений в сравнении с российской историографической традицией рассматриваемого периода. На наш взгляд, историческая полонистика В. О. Ключевского заслуживает более детального рассмотрения с точки зрения ценностных установок польской историографии и сопоставления ее оценок с основополагающими идеями как российской науки XIX – начала XX века, так и современной российской исторической полонистики.

¹²³ Кручковский Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века. Гродно, 2016.

Избранная библиография

Источники

- В. О. Ключевский. Сочинения в 9 томах. М., 1987–1990
- В. О. Ключевский. Боярская Дума древней Руси. М., 1909
- В. О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под редакцией Р. А. Киреевой. М., 2012
- В. О. Ключевский. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского. М., 1913
- K. *Błachowska*. Narodziny imperium: rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001
- K. *Błachowska*. Wiele historii jednego państwa: obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warszawa, 2009
- H. *Głębocki*. Kresy Imperium: szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków, 2006
- H. *Głębocki*. Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000
- A. *Nowak*. Od Imperium do Imperium: spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków, 2004
- M. *Serejski*. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970
- A. *Walicki*. Aleksander Hercen: kwestia polska i geneza pewnych stereotypów. Warszawa, 1991
- A. *Walicki*. Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu. Warszawa, 1995
- A. *Walicki*. Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002
- A. *Walicki*. Zarys myśli rosyjskiej: od Oświecenia do Renesansu religijno-filozoficznego. Kraków, 2005
- M. *Zdziechowski*. Mesjaniści i słowianofile: szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków, 1888

Исследования

- L. M. *Аржакова*. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. СПб., 2014
- H. B. *Гришина*. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010
- P. A. *Киреева*. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966
- P. A. *Киреева*. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России XVIII–XX века. М., 1996. С. 396–445
- P. A. *Киреева*. История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) // Россия и Европа. 2007. № 4. С. 149–166
- T. T. *Кручковский*. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. // Славяноведение. М., 1993. № 5. С. 76–85
- T. T. *Кручковский*. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. // Наш радавод. Гродно, 1994. Кн. 6, ч. II. С. 218–417
- T. T. *Кручковский*. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII – начала XX в. // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства. 2006. № 3 (39). С. 24–31
- T. T. *Кручковский*. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского // Веснік ГрДУ. 2014. № 3. С. 53–66
- T. T. *Кручковский*. История России великорусского периода и польско-российские отношения в интерпретации В. О. Ключевского // Веснік БарДУ. Серия историческая наука и археология. 2014. Вып. 2. С. 32–46

- Т. Т. Кручковский. Цивилизационное влияние Польши периода Речи Посполитой на Россию в интерпретации В. О. Ключевского // Актуальныя праблемы гістарычнай навукі і адукацыі. Зборнік навуковых артыкулаў / Пад рэд С. В. Марозавай. Гродна, 2014
- Т. Т. Кручковский. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века. Гродно, 2016
- Т. Т. Кручковский. Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego // Rosja – Polska – Bałkany XVIII–XX w. Szczecin, 1998. S. 101–115
- Т. Т. Кручковский. Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności. Słonim, 2003
- М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974
- А. Н. Нечухрин. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-ые гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003
- А. Н. Цамутали. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985
- Н. В. Щербань. В. О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. № 4. С. 95–103
- Н. В. Щербань. Цивилизационный подход к истории в трудах В. О. Ключевского // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996

Polish historiography on Vasily Klyuchevsky's interpretation of Polish history

Vasily Klyuchevsky was one of the most distinguished representatives of the liberal school of Russian historiography at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Although Klyuchevsky's works have been analysed from many different angles, his interpretation of Polish history received no attention from scholars, including Polish ones. However, the absence of detailed studies hasn't prevented the latter from expressing some general opinions about the key elements of Klyuchevsky's interpretation of Polish history. According to Polish historians, the Russian scholar attached a special importance to the following aspects of Polish history: the establishment of the Polish-Lithuanian state, the causes of the fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the interpretation of Polish-Russian conflict in terms of a religious war, the cultural influence exercised by Poland on the Moscow state (especially during the Time of Trouble and throughout the seventeenth century). Polish authors stressed that Klyuchevsky's views were to a great extent indebted to the traditional Russian interpretations of Polish history and the Polish-Russian relations.

In their judgement of the way in which the history of Poland is interpreted by Russian historians, Polish scholars (M.H. Serejski, A. Walicki, K. Błachowska, A. Nowak and others) emphasize the fact that Russian historiography remains dominated by conservative and nationalist tendencies and that the liberal component to be found in it is very poor.

Tadeusz Kruczkowski – dr nauk historycznych, docent Katedry Historii Powszechnej i Słowiańskiej Uniwersytetu w Grodnie. Uczeń prof. W.A. Dżakowa, pod którego kierunkiem w Instytucie Słowianoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk obronił pracę doktorską nt. polskiej problematyki w rosyjskiej historiografii drugiej połowy XIX w. Zainteresowania badawcze: interpretacja dziejów Polski w historiografii rosyjskiej w okresie XIX – początek XX w. i we współczesnej historiografii białoruskiej, historia i współczesność polskiej mniejszości narodowej na Białorusi. Najważniejsze prace: *Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności*, Słonim 2003; *Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос*, Гродно 2011; *История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века*, Гродно 2016. E-mail: tkruczkowski@yahoo.com